

Зимой бояться мух не приходится, их нет, а ведь демоны для автора Лавсаика, как и бесы для Нестора, — реальные существа, но русский инок просто отмахивается от них как от назойливых мух. Во всяком случае русский автор использовал это бытовое сравнение удачнее, если даже появилось оно у него как литературное припоминание.

Любопытные аналогии дают переводные патерики к рассказу о Григории чудотворце. Выше мы показали (стр. 84), что главное содержание печерского предания составляет описание столкновений Григория с ворами, которых он то усыплял, то делал неподвижными и отпускал лишь с условием, что они станут трудиться, притом не только на себя, но и на других. Имущество Григория, на которое позарились воры, были книги и плоды в его огороде. Параллель к этим эпизодам дает рассказ из Луга духовного, переданный сарациним язычником: на горе Антония он увидел инока, читавшего книгу, и задумал ограбить, «а может быть, и убить» его. Когда сарацин приблизился к инок, тот «простер» руку и сказал «стой». Двое суток стоял сарацин и взмолился: «Ради бога, которого ты чтишь, отпусти меня». Инок сказал: «Ступай с миром».³⁹ Как видим, один и тот же мотив — вор наказан неподвижностью — разработан по-разному. В Киево-Печерском монастыре он вошел в целые бытовые рассказы из жизни монастыря, наказание ведет к раскаянию воров.

Другую параллель находим в рассказе Лавсаика об авве Феоне, на которого однажды ночью напали разбойники, надеясь найти у него золото. «Святой помолился, и они до утра остались недвижимы у дверей его». Утром собрался народ и хотел сжечь разбойников, но Феон попросил отпустить их невредимыми: «Если не отпустите, от меня отступит благодать исцелений». Отпущенные разбойники раскаялись и «переменили жизнь свою».⁴⁰ Итак, восточный старец просил не наказывать разбойников, чтобы не потерять своей силы. Печерянин Григорий пожалел по-человечески оба раза воров, даже дал за них отступного «властелину», а потом всех воров убедил остаться работать в монастыре, чтобы другие «питались от трудов их». Фантастика (одни воры уснули на пять дней, другие стояли неподвижно два дня) вплелась в бытовой рассказ о том, как монастырь привлекал к себе работников, хотя бы в прошлом они были ворами.

В этом рассказе самый образ Григория выдержан вполне в агиографическом стиле, если не считать одной уступки реальным обстоятельствам: он ведь, выкупая воров, дает взятку «градскому властелину». Правда, он сурово осудил тех воров, которые крали выращенные им плоды — «чужаа труды», но быстро «умилися» их слезам и простил их.

Отношение русского подвижника к вора, лишившим его имущества, один из авторов прямо сравнил с тем, что он знал по переводному патерику о столкновении восточных пустынников с разбойниками. Симон, рассказывая о том, как разгневался на воров Арефа (стр. 88), ставит ему в пример легенду «Патерика», повествующую о старце «иже молился богови, да приидуть на нь разбойници и вся его възмутъ. Услышан же бив, и придоша на нь разбойници, и вся сущаа в руке их предасть» (стр. 88). Симон пересказал здесь вторую часть рассказа из «Луга духовного» Иоанна Мосха под заглавием «О великодушном поступке двух старцев

³⁹ Луг духовный, стр. 160—161.

⁴⁰ Лавсаик, стр. 151. Иначе поступил с разбойниками Моисей ефиоплянин. Напавших на него разбойников он связал «и, подняв на плечи, как мешок с соломой, принес их в собрание братий» и сказал: «Я никого не могу обижать, но они пришли меня обидеть. Что поведите сделать с ними?». Раскаявшиеся разбойники сделались «добрыми монахами» (Лавсаик, стр. 75—76).